

МИР СЛОМАЛСЯ.
ТЕПЕРЬ НАШ ДОМ — ПОД ЗЕМЛЕЙ.

ИРМА

ИСТОРИЯ О ВЫЖИВАНИИ,
ДРУЖБЕ И ЛЮБВИ.

РАН О ГАУРАТТИ

Rano Gayratti

Ирма

<https://litres.ru/74296113>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они вошли в укрытие, чтобы выжить. Но никто не сказал им, что выбраться будет сложнее, чем пережить саму катастрофу.

Ирма оказывается в подземном комплексе, где сотни людей отрезаны от внешнего мира. Здесь есть еда, охрана и порядок, но за стенами скрывается слишком много тайн. Людей распределяют без объяснений, одних отправляют работать, других держат под замком, а военные явно знают больше, чем готовы рассказать.

Пытаясь понять, что происходит, Ирма обнаруживает следы неизвестного плана и начинает подозревать, что это место создано не только для спасения.

Вместе с Марком, который готов рискнуть всем ради неё, и Джоном, чьи чувства становятся неожиданным испытанием, она пытается найти правду и вернуть свободу тем, кто оказался заперт под землёй.

Но чем ближе Ирма подбирается к разгадке, тем страшнее становится ответ.

Они не случайные пленники. Их выбрали.

Rano Gayratti

Ирма

Глава 1

Проснувшись утром, Ирма встала с кровати и, все еще сонная, побрела на кухню. Она поставила чайник с водой и скрылась в ванной. Через несколько минут, заварив черный кофе без добавок и сахара, Ирма забралась на широкий подоконник. Он выходил на стену соседнего здания — вид не впечатлял, но, чтобы просто погрузиться в мысли и бессмысленно уставиться в одну точку, вполне подходил.

— *Тучи сегодня какие-то слишком серые,* — подумала она. Хотя ей было всё равно: она никуда не собиралась выходить.

Внизу слышался голос Стэфана: — Мама, мама, я забыл зонт! Мама! Кристи, его мать, которая была чуть старше Ирмы, спешила к нему, держа в руках ярко-желтый зонт с веселым принтом миньонов. Этот мультфильм был одним из его любимых, и он с восторгом пересматривал его по несколько раз подряд, поэтому Кристи решила подарить ему что-то особенное. Комната Стэфана была настоящим отражением его увлечений: стены были окрашены в солнечные желтые оттенки, а постельное белье лимонного цвета прида-

вало ей игривый и жизнерадостный вид. На столе стояли фигурки персонажей мультфильма, а даже ручка для записи была желтой и украшена их изображением. Каждый уголок комнаты был наполнен этим ярким цветом, словно она сама пыталась излучать счастье.

Кристи всегда старалась создать для своего сына атмосферу, полную радости и уюта, поэтому эта комната стала для него настоящим убежищем. Она чувствовала, что именно такой мир помогает Стэфану справляться с трудностями, особенно в моменты, когда ему было грустно или одиноко.

— После уроков сразу домой, не заставляй меня волноваться! — строго сказала Кристи.

Стэфан побежал вприпрыжку, но рюкзак, нагруженный учебниками, мешал ему бежать ровно. Внезапно он остановился, обернулся и побежал обратно к матери. Кристи улыбнулась, присела на корточки и раскрыла руки. Стэфан кинулся к ней и крепко обнял.

Я уже видела это не раз — это был их ритуал на случай, если Стэфан уходил куда-то без мамы.

В тишине раздался короткий вибрирующий звук, похожий на тихое «дзынь». Ирма нехотя встала с подоконника, чтобы посмотреть, от кого пришло сообщение. Это был Джон:

«Привет, красотка! Не забудь взять список, сегодня придет Том.»

Она глубоко вздохнула. Не то чтобы Ирма ненавидела свою работу — просто все вокруг вдруг казалось бессмысленным и унылым.

Сев обратно на подоконник, она быстро начала набирать ответ:

«Джон, привет. Я сегодня не приду, не спрашивай почему. Извини, что подвожу. Сейчас сфоткаю список и пришлю тебе. Пока.»

Немного поколебавшись, она замерла, глядя на экран телефона, как будто надеялась, что передумает. Но спустя несколько секунд нажала «Отправить».

Допивая остывающий кофе, Ирма услышала еще одно уведомление.

«Хорошо, понял. Если хочешь, вечером могу заглянуть к тебе с пивом.»

Она долго смотрела на это сообщение, но не ответила. Ирма отложила телефон в сторону, будто он обжигал ладони. Мысль об общении внушала усталость, и она знала точно: ей не хотелось ни с кем говорить.

Она прикрыла глаза, пытаясь подавить чувство гнетущей тяжести внутри. Всё вокруг казалось пустым и лишённым смысла. Решение не идти на работу она приняла еще вчера вечером, но что делать теперь — оставалось загадкой.

Вчерашний день

Захлопнув дверь, Ирма вдруг поняла, что забыла телефон. Выругавшись про себя, она принялась искать ключи в рюкзаке. Наконец, нашла их среди разбросанных вещей и победоносно подняла в воздух, будто выиграла приз. Вернувшись в квартиру, она сразу заметила телефон на диване — искать долго не пришлось.

Ее жилье было студией, где всё находилось на виду. Заходя в дверь, сразу оказывался в небольшой гостиной. Слева стоял раскладной диван — к счастью для Ирмы, она любила спать просторно. Ближе к окну находился стол с креслом. Справа от входа располагалась дверь в санузел, а в правом углу квартиры — небольшая, но уютная кухня. Кухонное пространство отделяла барная стойка с двумя высокими стульями, но Ирма почти не пользовалась ими. Только когда Джон приходил после работы поболтать или вместе поужинать, они иногда садились за стойку. Напротив входной двери, в центре стены располагается большое окно с широким подоконником, на котором Ирма любила проводить время — читая книги или просто наблюдая за улицей. Она считала его главной достопримечательностью своей маленькой квартиры.

Джон был ее единственным другом в этом городе. Ирма переехала в Чикаго почти два года назад, оставив родную Флориду позади. Джон был младше ее на два года и рабо-

тал в мастерской по ремонту машин. По сути, он уже стал начальником после того, как его отец, дядя Грегор, отошел от дел около года назад и передал управление сыну. Ирме всегда казалось, что дядя Грегор нанял ее, чтобы Джон не скучал на работе в одиночестве. Изначально он хотел взять в мастерскую крепкого мужчину и даже разместил объявление: **«Требуется мужчина с опытом работы в автомастерскую»**. Но в итоге всё сложилось иначе.

Выбежав на станцию метро, Ирма вдруг осознала, как сильно спешила, и остановилась, чтобы перевести дыхание. Пока она бежала, то заметила, что погода была солнечной, но знала, что к вечеру дождь непременно пойдет.

Выйдя на своей станции, Ирма заметила, что наконец-то открылись после ремонта её любимое заведение, где продавали бабл-ти. Она решила, что, раз уж опаздывает, то какие-то три минуты ничего не решат. Слегка поторопившись, она вошла в новое заведение, которое изменилось до неузнаваемости. Цвет стен сменился с серого на уютные бежевые тона, хотя касса осталась черной, лишь с добавлением элементов бежевого декора.

Подойдя к кассе и взглянув на меню, Ирма заметила, что добавили новые вкусы чая. Но, несмотря на это, ей так не хватало привычного напитка, и её накрыла волна ностальгии. Она решила взять то, что всегда заказывала. К тому же, она подумала, что захватит еще один стаканчик и для Джона в качестве извинения за опоздание.

Когда подошла её очередь, Ирма заметила, что работники те же, хотя она и не знала их имен, но лица помнила. Внутри возникло ощущение, будто встретила давнего друга.

— Здравствуйте, мне, пожалуйста, два бабл-ти среднего размера с чайными бобами манго, без льда.

— Ваше имя?

— Ирма.

— А для второго стаканчика?

— Джон. Хотя нет, стойте, подпишите, пожалуйста, «Малыш».

Девушка за кассой улыбнулась, и Ирма в ответ тоже начала смеяться. Джону это, конечно, не понравится, но потом он всё равно посмеётся. Его бывшая девушка, с которой они расстались около трёх месяцев назад, так его называла, и порой мы с дядей Грегором напоминали ему об этом — он злился.

Не сказала бы, что у них была крепкая любовь: встречались они около полугода. Джон говорил, что устал от нежных «барби» и их капризов. Да и по правде, у них были совсем разные интересы. Она любила шопинг, походы в кино и поездки на машине по городу с громкой музыкой, а Джон предпочитал чинить машины, даже если всё было в поряд-

ке всегда находил, что усовершенствовать. Вместо фильмов он предпочитал футбол с пивом. Мы с ним болели за одну команду — Ливерпуль. Вместо походов по магазинам он предпочитал восхождения в горы вместе со своей собакой по кличке Боб. Вот такой «малыш» Джон был у нас. Мы с дядей Грегором всегда думали, что ему нужна более серьёзная девушка, чем те, что он находил сам.

— Ваш заказ готов.

— Благодарю, хорошего вам дня!

— И вам.

Неся в руках напитки, Ирма вдруг поняла, что забыла воткнуть соломинку в свой чай, чтобы пить по пути. «Ну ладно», — подумала она, приближаясь к мастерской, уже слыша звук работающего двигателя. Неужели Джон оживил Порше?

Зайдя внутрь, Ирма увидела, как Джон, испачканный в машинном масле, победоносно стоит в комбинезоне, положив руки на бедра.

— Джон, ты её оживил? Не верю своим ушам!

Он резко обернулся и улыбнулся, как маленький мальчишка, довольный своей работой.

— Да всё дело было в воздушном фильтре, а я-то думал, что в цепи привода. Стоп! — он взглянул на настенные часы. Ты опоздала на 20 минут.

— Нет, на 17.

— Факт остаётся фактом, — ответил Джон.

— Извини, но я решила загладить вину — вот, купила тебе бабл-ти.

Он протянул руку, улыбаясь.

— На этот раз ты прощена.

— Я пойду переоденусь, а потом хочу услышать во всех подробностях, как ты разобрался с этим мертвецом.

«Мертвецами» мы называли те машины, которые, как нам казалось, сложно или невозможно восстановить. Когда я уже сворачивала в раздевалку, услышала:

— Что ещё за Малыш, Ирма, ты серьёзно?!

Хихикая, я вошла в комнату. Надев синий комбинезон, собрала волосы в пучок — с распущенными работать было не так-то просто, даже несмотря на то, что они едва доставали до плеч.

Взглянув на своё отражение в зеркале, которое показывало лишь верхнюю часть тела, я на мгновение задержала взгляд на своих чертах и невольно вспомнила дядю Кэвина. Старшего брата моей мамы. Мы с ним были удивительно похожи — не только внешне, но и по характеру. Та же смуг-

лая кожа с лёгким бронзовым отливом, как будто всё время под солнцем, большие выразительные глаза, аккуратный нос и чётко очерченные скулы. Наши карие глаза всегда выдавали, когда мы что-то задумывали. Мама часто шутила, что от дяди мне достались именно эти лукавые взгляды, которыми он умел выпутываться из любых ситуаций. Но длинные густые ресницы — это точно от мамы. Спасибо генетике, хоть тут повезло.

Мой рост был средним — 170 сантиметров, не слишком высокая, но и не низкая. Да вот только фигура стала чересчур худощавой в последнее время. Глядя на себя в зеркало, я понимала, что пару килограммов мне бы точно не помешали. Но поправиться не удавалось: постоянная работа, беготня с утра до вечера, к тому же никакого особого аппетита. С каждым месяцем казалось, что я только теряю вес с момента, как переехала сюда.

Дядя Кэвин всегда следил, чтобы я нормально ела, порой даже заставлял. «Ты не сдвинешься с места, пока не доешь всё!» — грозно заявлял он, но в его словах было столько заботы, что я не могла злиться. Он переживал за меня, как за родную дочь. Я понимала, что скучаю по нему больше, чем думала. Может, сегодня вечером позвоню ему, просто чтобы услышать его голос и узнать, как у него дела. Наверняка он опять будет в гараже, ковыряясь в своей вечной развалюхе. Но мне это и нужно — услышать знакомый шум инструмента на фоне и его негромкий, спокойный голос.

С дядей Кэвином у нас всегда были особые отношения. После развода родителей он в каком-то смысле заменил мне отца. Я проводила у него всё свободное время, следуя за ним по пятам, как верный щенок, в его гараж. Он терпеливо учил меня разбираться в машинах, хотя, скорее всего, не столько из желания передать знания, сколько чтобы я не мешала ему работать. «Хочешь остаться? Тогда держи инструмент и помогай!» — говорил он с усмешкой, и мне приходилось заниматься мелкими делами. Так, постепенно, я и втянулась в этот мир гаек, шурупов и моторного масла.

Да, возможно, наша связь сложилась не по собственной инициативе Кэвина, но я знала: он любил меня по-настоящему и гордился тем, что я учусь у него.

Среди всех машин, которые дядя Кэвин покупал, ремонтировал и продавал, была одна, к которой он относился совсем иначе. Это была его самая настоящая любимица — старая, потрёпанная временем и дорогами, но на удивление выносливая. Он никогда её не продавал, даже когда за неё предлагали хорошие деньги. Её возраст и состояние не имели значения. Да, это была настоящая старушка, которая уже давно вышла из моды и нуждалась в постоянном ремонте. Но для дяди Кэвина эта машина была больше, чем просто средство передвижения. Это была часть его жизни, воспоминаний и истории.

Каждый раз, когда она начинала барахлить, вместо раздражения на его лице появлялся странный свет — словно он

радовался возможности снова возиться с её деталями, смазывать, крутить, подтягивать и возвращать её к жизни.

«Она ещё потягается с молодыми!» — говорил он с улыбкой, когда удавалось устранить очередную поломку.

За годы владения он знал эту машину до последнего винтика. Капот поднимался для него как обложка старой книги, давно знакомой, но всё ещё любимой. Каждая царапина на корпусе имела свою историю. Он помнил, где и когда она появилась — то ли из-за неудачного манёвра на парковке, то ли от ветки, случайно зацепившейся в пути.

«Почему бы тебе просто не продать её и не купить новую?» — порой спрашивала я, когда особенно уставала от того, что она ломалась чуть ли не каждую неделю. Но дядя Кэвин всегда отвечал одно и то же, грубовато и безапелляционно:

— Она со мной всю жизнь, сколько помню себя. Это невозможно.

Мама как-то рассказывала, что эта машина досталась Кэвину от их отца. Я всегда чувствовала, что в его привязанности к ней было что-то большее, чем просто любовь к технике. Эта машина хранила в себе его детские воспоминания, моменты юности, а, может, и некие не высказанные эмоции, связанные с дедушкой. Это было как будто последнее звено, связывающее его с прошлым.

Из уважения я больше не поднимала тему продажи. Я по-

нимала, что для дяди Кэвина эта старушка — не просто железка. Она была его спутницей, его напарницей, его постоянной. Она видела, как он рос, как менялся, как вырослел и становился тем человеком, которого я так люблю и уважаю. И хотя она часто капризничала, требовала заботы и времени, он никогда не жаловался.

Я уверена, что он никогда её не променяет. Даже если однажды она окончательно сломается и перестанет заводиться, он не сдастся. Он поставит её в гараж, как почётного ветерана, и будет разглядывать, размышляя, как её вернуть к жизни. Потому что эта машина — его верный друг. А друзей не продают.

Время давно перевалило за полдень, а мы с Джоном совершенно забыли про обед. С самого утра возились с замесом масла в трёх машинах подряд. Мне нравилось, что Джон был так же увлечён своим делом, как и его отец, дядя Грегор. Возможно, именно эта любовь к машинам и помогла мне получить работу в их мастерской.

Когда я впервые увидела объявление о вакансии и позволила, трубку поднял сам дядя Грегор. Его голос был низкий и чуть хрипловатый:

— Да, слушаю вас.

— Здравствуйте, я по объявлению, — начала я, пытаюсь

звучать как можно увереннее. — Вам нужен мастер по ремонту машин?

На том конце повисла пауза, и я представила, как он обдумывает свои слова.

— Эм... Да, нам действительно требуется мастер, но мы искали мужчину. — Его тон был осторожным, но скорее изумлённым, чем недоверчивым. — У вас есть опыт?

— Да! — воскликнула я с оптимизмом. — Я умею практически всё. А если чего-то не знаю, быстро учусь.

В ответ снова повисла короткая пауза, но я слышала, как дядя Грегор тяжело вздохнул.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Мы работаем с девяти утра до шести вечера. Подходите в это время, поговорим.

— Спасибо, я приду сегодня же! — радостно ответила я. Через пару часов я уже стояла перед мастерской. Металлические ворота были приоткрыты, и я вошла внутрь. Пространство пахло моторным маслом и свежей краской. Прямо передо мной располагалась основная часть мастерской, где кипела работа. Рядом с одной из машин лежали инструменты, и я заметила парня, выползающего из-под старого пикапа.

Он вытер руки о штаны и, прищурившись, взглянул на меня, словно пытаюсь вспомнить, встречались ли мы раньше.

— Вы пришли забрать «Тойоту Камри»? — спросил он, хлопая по одежде, будто это могло помочь избавиться от въевшейся грязи.

Я не успела ответить — откуда-то из глубины мастерской донёсся глухой звук. На складе кто-то рылся, и вскоре раздался знакомый голос:

— Джон, ты не видел те инструменты, что я купил на прошлой неделе? Не могу найти! — Это был мужчина лет пятидесяти, с крепким голосом, который не терпел возражений.

Пока я стояла, наблюдая за происходящим, у меня возникло ощущение, что это место станет чем-то больше, чем просто работой.

Джон будто не заметил слов старшего мужчины, а его взгляд всё ещё был прикован ко мне, ожидая ответа. В этот момент мужчина наконец обратил на меня внимание и, подойдя ближе, спросил:

— Здравствуйте, чем могу помочь?

— Я сегодня звонила вам. Мне нужна работа, — выпалила я.

Глаза Джона расширились от удивления. Очевидно, он принял меня за клиентку, которая пришла забирать свою ма-

шину. Подобные взгляды я ловила не раз — многие удивлялись, когда узнавали, что я умею чинить машины. Для меня это было не профессией, а скорее хобби. Официально я числилась бухгалтером, хотя работа за цифрами никогда мне не нравилась. Даже не знаю, зачем выбрала эту специальность — возможно, из-за того, что моя мама тоже была бухгалтером. Мне казалось, что её работа давала достаточно времени на семью и увлечения, поэтому это казалось правильным выбором. Но, отучившись, я так и не нашла себя в этой сфере.

— Пройдёмте в офис, — сказал мужчина, кивнув в сторону двери.

Мы вошли в небольшой, но уютный кабинет. Внутри всё дышало атмосферой семейного тепла: стены были увешаны фотографиями с моментами их жизни. На одном снимке маленький Джон, лет семи, смеялся беззубой улыбкой, держа в руках сладкую вату, а позади него в обнимку стояли дядя Грегор и его жена Мария, тоже улыбающиеся в камеру. На другом фото Джон сидел на велосипеде, коленка была в крови, а на лице застыло выражение боли и обиды. Рядом стоял дядя Грегор, поддерживая руль велосипеда, и весело смеялся, подбадривая сына. И таких снимков было много — каждый из них рассказывал историю.

— Меня зовут Грегор, — представился мужчина, протягивая руку.

— А меня Ирма, — ответила я, пожав его руку.

Мы немного поболтали о машинах и том, откуда у меня

такой опыт. Я коротко рассказала о своём дяде Кэвине и его влиянии на меня. Грегор слушал с лёгкой улыбкой, заинтересованно кивая.

— В гараже стоит «BMW», — наконец сказал он, задумчиво почесав подбородок. — Дам тебе время до завтрашнего вечера. Если разберёшься с проблемой и починишь её — работа твоя.

Я кивнула и тут же спросила:

— У вас есть запасной комбинезон?

Грегор приподнял бровь — он явно не ожидал, что я примусь за дело прямо сегодня. Но я понимала, что анализ поломки может занять много времени, и откладывать до завтра не хотелось.

Надев комбинезон, я вошла в гараж.

— Это мой сын Джон. Если тебе что-то понадобится, можешь обращаться к нему, — сказал дядя Грегор, похлопав парня по плечу.

— Хорошо, — кивнула я и сразу погрузилась в изучение машины.

На первый взгляд с ней было всё в порядке: она заводилась с пол-оборота, не издавала странных звуков. Я открыла капот и внимательно осмотрела двигатель, но никаких очевидных дефектов не заметила. Масло и свечи были в норме.

Может, её где-то подбили? — мелькнула мысль. Я обошла машину со всех сторон, но следов повреждений не нашла.

Провозившись с машиной до самого полудня, я уже начала терять терпение и ломать голову, что же могло быть не так. Джон подошёл ко мне и спросил:

— Ты не голодна? Может, хочешь поесть?

— Нет, спасибо, не хочу, — отозвалась я, не отрываясь от проверки коробки передач.

Он ещё немного постоял рядом, наблюдая за моей работой, и на мгновение показалось, что он хотел что-то подсказать. Но вместо этого лишь коротко кивнул и ушёл.

— Ирма, скоро закрываемся, просто хотел предупредить, — сказал Грегор, заглянув в гараж.

— Поняла, — выдохнула я, устало опершись на край капота.

Вечером, вернувшись домой, я всё ещё ломала голову над этой машиной. *Что с ней не так? Почему она в мастерской, если видимых проблем нет?* Мысли путались. Может, они уже починили её и просто проверяли меня, наблюдая за моей вознёй из офиса и тихо посмеиваясь? Но я отмахнулась от этих мыслей. Грегор и Джон казались добрыми людьми, и мне не хотелось думать о них в таком ключе. С этими раздумьями я заснула.

На следующее утро, едва появившись в мастерской, я снова взялась за осмотр машины. И вдруг меня осенило: *А если проблема в чём-то совсем простом? Например, в фарах или лампочках?* Я проверила поворотники, фары, внутреннее освещение — всё работало идеально.

Тогда я решила проверить дворники. Нажав рычаг возле руля, запустила воду на лобовое стекло — и в тот момент я поняла, что проблема найдена. Работал только один дворник. Я выскочила из машины, не веря своим глазам, затем снова села и проверила несколько раз для уверенности. *Вот оно!* — мелькнула мысль.

Я тут же взялась за инструменты. Джон, заметив моё воодушевление, показал, где лежат необходимые запчасти, и всё это время слегка улыбался, довольный тем, что я нашла проблему.

Спустя пару часов работа была завершена. Я вошла в офис, чтобы сообщить Грегору о починке, но меня опередил Джон, распахнув дверь:

— Она справилась!

С этого дня я стала работать в этой мастерской.

— Ирма, как насчёт бургеров? — спросил Джон, облокотившись на дверной косяк, выдернув меня из глубины воспоминаний.

— Давай мне с двойным сыром, — ответила я, улыбнувшись.

Джон достал телефон, чтобы сделать заказ, а я с облегчением присела на диван, наслаждаясь коротким отдыхом. За окном погода начала портиться, и, заметив надвигающиеся тучи, я вспомнила, что не взяла с собой зонт. Но в офисе дяди Грегора, теперь уже Джона, было несколько запасных зонтов. *Одолжу один, а завтра верну*, — решила я, глядя на серое небо.

Плотно пообедав, они продолжили работу и трудились до самого вечера. Перед уходом Джон попросил Ирму составить список того, что им нужно заказать у Тома. Том занимался поставками масла, антифриза и множества других материалов, необходимых для работы мастерской. Обычно каждые две недели они делали у него заказ, а когда дел было немного, могли и раз в месяц что-то брать.

Придя домой, Ирма сразу же залезла под горячий душ, смывая с себя запах мастерской. Не то чтобы ей не нравился этот запах — в конце концов, это был аромат её детства. Но теперь, став взрослой, она понимала, что неуместно пахнуть машинным маслом.

Выйдя из душа, Ирма разогрела оставшуюся пиццу и, устроившись за рабочим столом, подняла одну ногу на стул. Она всегда так сидела с детства — это было делом привычки. Включив какой-то случайный фильм на ноутбуке, она начала ужинать. Вдруг вспомнив, что должна была составить

список для Тома, она принялась записывать, что у них уже закончилось.

Закончив список, она уже доела последние кусочки пиццы и достала телефон чтобы позвонить Кэвину. Разница во времени составляла всего один час: у Ирмы сейчас было восемь вечера, а во Флориде — девять. Наверняка, он уже давно дома и смотрит телевизор. Гудки звучали, но ответа не было. Ирма удивилась: он не мог так рано лечь спать. Почти никогда не бывало такого, чтобы он не отвечал на ее звонок.

Она решила позвонить маме, возможно Кэвин был у нее дома и забыл телефон — они ведь жили совсем рядом. После второго гудка мама подняла трубку. На заднем фоне было шумно, и Ирма удивилась, где это мама находится в такое позднее время.

— Ирма, дочка... — всхлипывала мама.

Слова её звучали сквозь слёзы. Ирма почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Мама, что случилось? Алло, мама!

— Кэвин... — снова слёзы, всхлипы, тишина.

— Он попал в аварию.

Всё вокруг вдруг потеряло смысл. Земля ушла из-под ног, и в ушах зазвенело так, будто мир вокруг прекратил своё существование. Она ничего не слышала — ни собственных мыслей, ни звуков повседневной жизни. Сердце колотилось, как будто вот-вот вырвется из груди. Как такое могло случиться с Кэвином? Мысли метались в разные стороны: он

ведь всегда был крепким и сильным мужчиной, который никогда не знал ни болезней, ни даже обычной простуды. Ир-ма словно забыла, как дышать. Мысль о том, что он сейчас, возможно, беззащитен и без сознания, просто не укладывалась в её голове.

— Ирма, алло, ты меня слышишь? Ирма! — кричала мать.
— Мы его потеряли.

Этого было достаточно, чтобы Ирма не смогла сдержаться. Она не могла смириться с тем, что с Кэвином произошло что-то страшное. Слезы ручьём покатались по щекам, и она разрыдалась в голос, не в силах остановиться.

Отбросив телефон на стол, она легла на диван, свернувшись калачиком. Боль пронзала её сердце, и в этот момент воспоминания о Кэвине накрыли её с головой. Она мысленно рисовала его лицо, вспоминая все счастливые моменты, проведенные вместе, его добрую улыбку, которая всегда могла развеять её грусть. Как он трепал её по голове, когда она задавала свои бесконечные вопросы, словно находя в этом удовольствие, хотя порой уже не знал, как отвечать на её причудливые размышления, например, о том, как летают бабочки, если у них нет двигателей на крыльях, как у самолета.

Она вспоминала, как он собирал её волосы, нервничая, когда что-то не получалось, а Ирма смеялась, глядя на своего дядю с нежностью и восхищением. Эти моменты были для неё драгоценны, и она старалась запечатлеть их в памяти, словно понимала, что, если не сделает этого сейчас, они

исчезнут вместе с ним. С этими мыслями Ирма не знала, во сколько уснула, но чувство потери не покидало её даже во сне.

Настоящее время

Сидя на подоконнике, Ирма ощущала, будто вчерашний вечер был лишь призрачным сном. Однако она прекрасно понимала, что такой удачи ей не видать. Ей предстояло отправиться во Флориду на похороны своего дяди, и эта мысль не давала ей покоя. Она не могла смириться с тем, что его больше нет — в её груди образовалась огромная пустота, которую не удавалось заполнить ничем.

Смерть никогда не встречалась ей лицом к лицу. Бабушка с дедушкой ушли из жизни до её рождения, а о родственниках отца она не знала и не помнила ничего. Для неё настоящей семьёй были только мать и дядя Кэвин, которого теперь не будет. Ирма знала точно: сегодня никуда не выйдет. Она не была готова к этому миру без него. Позже она планировала позвонить маме и сообщить, что завтра отправится во Флориду.